

Алексей Павловский

Alexandra Wachter. The Last Heroes of Leningrad: Coping Strategies of Siege Survivors in Soviet and Post-Soviet Society. Göttingen, Germany: V & R Unipress, 2022. 282 pp. ISBN 9783737014472.

Алексей Павловский, Центр изучения культурной памяти и символической политики ЕУСПб. Адрес для переписки: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Гагаринская ул., д. 6/1 А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. apavlovskiy@eu.spb.ru.

В последние годы блокада Ленинграда становится востребованной и даже модной темой. Это справедливо и для истории блокады (Павловская 2022; Barskova 2017; Hass 2021), и для исследований коллективной и культурной памяти о ней (Калинин, Мельникова и [Мельникова и Чуйкина] Чуйкина 2019). Историография памяти о блокаде, лет пятнадцать назад воспринимавшаяся как маргинальный эксперимент западных славистов (Kirschenbaum 2006; Merridale 2001) и наиболее чутких к теоретической рефлексии российских гуманитариев (Лоскутова 2006), сегодня изобилует множеством подходов, в рамках которых историки, филологи, искусствоведы и социологи рассуждают о нарративах и символической политике, архиве и каноне блокадной памяти, культурной травме и устной истории (Павловский 2022). Вместе с тем авторы, работающие над этой проблемой, знают, как много еще можно сказать о ней – и то катастрофическое время, в которое мы живем, заставляет возвращаться к этой катастрофе, думать о ее последствиях, той «послеблокаде» памяти и травмы, которую она оставила в своих свидетелях и их потомках. Поэтому любая монография, стремящаяся дать обобщение феномена коллективной памяти блокадников в современной России, неизбежно вызывает большой интерес: книга историка Александры Вахтер – именно такой случай.

«Последние герои Ленинграда: защитные механизмы блокадников в советском и постсоветском обществе» является переработанной версией одноименной диссертации, которую Вахтер защитила в Университете Лондона в 2014 году. Основные интересы автора связаны с историей архитектуры, сопротивления национал-социализму, а также мемориальной культурой и травмой блокады, понятой прежде всего в психологическом ключе. Так, в заглавие своей книги Вахтер выносит концепт «coping strategies», который можно перевести и как «защитные психологические механизмы», и как «стратегии преодоления» болезненных воспоминаний о гуманитарной катастрофе блокады (1941–1944). Носителями этой памяти, переживания которых исследует автор, и являются «последние герои Ленинграда» – дети войны, участники организаций блокадников («Юные участники защиты Ленинграда», «Жители блокадного Ленинграда» и других организаций), ставшие особенно активными в политике памяти о блокаде в 1990–2010-е годы.

В своей монографии, основанной на анализе интервью с блокадниками и другими акторами памяти¹, Вахтер обращается к двум теориям и подходам, укорен-

---

¹ Большая часть этих интервью собрана автором в 2009–2010 гг.

ненным и в историографических дебатах памяти о блокаде. С одной стороны, под влиянием ранних *trauma studies* историк пытается обнаружить следы психологической травмы участников блокадных обществ, стратегии ее подавления за счет официальной памяти, приводящей к анестезии подлинной боли (с. 48). Здесь Вахтер следует тезису Лизы Киршенбаум, которая полагает, что советская идеология служила фреймом для памяти блокадников, наделяя страдания выживших смыслом (Kirschenbaum 2006). С другой стороны, под косвенным влиянием социологии Пьера Бурдьё автор пишет институциональную историю этих организаций как бенефициаров социальных, символических и финансовых благ в (пост)советское время – плодотворный подход, начатый Татьяной Ворониной в изучении политики памяти о блокаде (Воронина 2018:204–246) и успешно продолженный Вахтер.

Психоаналитическая, социологическая и антропологическая оптики «Последних героев Ленинграда» смешиваются с амбициозной попыткой реконструировать генеалогию позднесоветской субъективности «детей войны». Такая эклектика неизбежно приводит к сложносоставному аргументу. Так, Вахтер-«социолог» утверждает, что участники организаций блокадников воспроизводят героический (соцреалистический) миф о блокаде в постсоветское время потому, что их поколение было воспитано на таком нарративе в 1960–1970-е годы (с. 96–97), и потому, что только такой образ позволяет им получать от государства и общества символический капитал, материальные блага и право на власть «правды» (с. 191, 203–204). Вахтер-«психоаналитик» считает, что такой нарратив служит «корсетом», сдерживающим воспоминания о страдании, унижении и потерях, и мешает ее восьмидесятилетним респондентам проработать психологическую травму подобно тому, как это сделали свидетели Холокоста (с. 219). Наконец, Вахтер-«антрополог» полагает, что это приводит к парадоксу, когда «дети войны», несмотря на пережитые страдания, пытаются привить молодежи идеи старой пропаганды, наполненной милитаризмом и прославлением героической жертвы во славу (пост)тоталитарного государства, но уже в 2000–2010 годы (с. 160–165). Как пессимистично резюмирует автор, участники организаций блокадников, носители блокадной травмы, не смогли изменить представления о ней – более того, за исключением ряда эпизодов 1990-х годов, они даже и не пытались этого сделать (с. 243).

Описывая этот замкнутый круг идеологической индоктринации, Вахтер развивает свой аргумент на протяжении всей книги. В главе 1 автор указывает на основную проблему, которой посвящена ее работа, и рассказывает о том, как устроено исследование. В главе 2 («Травма») она обращается к интерпретации травмы в работах ленинградских врачей, в интервью современных психоаналитиков и участников блокадных обществ. В главе 3 («Ностальгия») Вахтер изучает историю этих организаций и высказывает гипотезу о влиянии нарративов памяти 1960–1970-х годов на мировоззрение блокадников. Далее в главе 4 («Патриотизм») исследовательница берется за проблему «связи поколений», описывая, как «дети войны» воспитывают юных «патриотов». В главе 5 («Героизм») автор обращается к спорам участников организаций блокадников, анализируя их борьбу за право быть носителями «правды о блокаде», которую они оберегают от вла-

стей, историков, «буржуазных фальсификаторов» или либеральных журналистов. Наконец, в эпилоге автор кратко рассказывает об альтернативных проектах современной памяти о блокаде.

Монография Вахтер – это книга больших достоинств и серьезных недостатков. Нет сомнения, что «Последние герои Ленинграда» – одно из самых значительных исследований памяти о блокаде, и в тот момент, когда автор снимает маску «психоаналитика» и надевает маску «социолога» и «антрополога», оно становится не только провокативным, но еще и убедительным. Попытка рассмотреть организации блокадников как институты памяти, участники которых ради выживания самого института воспроизводят нарративы, вступают в коалиции с различными акторами и борются против других за символический капитал «правды о блокаде» (с. 117), – линия, которая удалась автору больше всего. Достоинство книги и в ее антропологическом подходе: читателя не покидает ощущение, что автор является персонажем своего текста – иностранным ученым, который, используя метод включенного наблюдения, фиксирует свое удивление, (не)понимание, реакции блокадников, взаимодействие с ними (с. 120–121): честная этнография, которой в историографии памяти о блокаде почти и не встретишь.

Впечатляет объем и разнообразие источников в этой книге. Вахтер проделала огромную работу, собрав более 80 устно-исторических материалов. Среди них – записи церемоний, концертов, митингов, дискуссий, конференций, интервью с блокадниками, музейными работниками, психологами, архитекторами, авторами мемориальных проектов. Автор также обратилась к архиву интервью с блокадниками, собранными сотрудниками Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2000-е годы (в том числе Татьяной Ворониной, которую Вахтер многократно цитирует в своей работе). Помимо этого историк использовала архивные документы, учебники истории, дневники и воспоминания выживших, музейные каталоги, исследования врачей и психологов. Это позволило автору обогатить свою работу большим количеством контекстов, которые помогали услышать голоса устных источников (но, к сожалению, иногда и говорили за них).

Несмотря на множество достоинств, «Последние герои Ленинграда» заслуживают критического прочтения. В первую очередь это относится к главному концепту книги – понятию «травма». К сожалению, складывается впечатление, что в его интерпретации автор застряла на уровне *trauma studies* 1990-х годов, когда работы Шошаны Феллман, Кэти Карут и Доминика ЛаКапра, психоаналитически осмыслявшие травму Холокоста, воспринимались как универсальный ключ к пониманию этого феномена. Теперь многие ученые, работающие в области *memory studies*, считают такой подход спекулятивным (Kansteiner and Weilnboeck 2010), заявляя, что «травма» является социальным конструктом, а психоанализ – не инструмент познания, а одна из дискурсивных сфер культурной травмы, где конкурируют нарративы о коллективном страдании (Alexander 2004). Таким образом, Вахтер совершает две ошибки в понимании «травмы» блокадников – «ошибку натурализма» (травма изначальна и неизменна, просто советская пропаганда мешает ее выразить) и ошибку экстраполяции индивидуальной травмы на состояние общества, что приводит к недоказуемым обобщениям в духе «Санкт-Петербург...

продолжает быть посттравматическим [городом]» (с. 42). Такая преданность теории ЛаКапра и еще доброму десятку психологов от Алис Миллер до Питера А. Левина приводит к тому, что историк играет чужую роль, по намекам и недомолвкам в интервью «доказывая», что ее респонденты – глубоко травмированные люди (с. 77–90). Раздавая диагнозы, автор не анализирует «травму», а конструирует ее. К счастью, это происходит не всегда, и параграф, в котором Вахтер исследует, почему российские психологи утверждают или отвергают наличие травмы у блокадников (с. 68–77), является, пожалуй, одним из самых интересных во всей книге.

Вторая претензия заключается в том, что в работе Вахтер много историографических лакун. Автор игнорирует важные статьи, посвященные устной истории: исследование Татьяны Ворониной и Ильи Утехина о реконструкции смысла в интервью блокадников, работу Виктории Календаровой о проблеме травматического опыта в таких интервью (Воронина и Утехин 2006; Календарова 2006). После прочтения этих текстов многие рассуждения Вахтер в области устной истории не выглядят особенно новыми. Это касается и межпоколенческой памяти. Уделяя этому феномену множество страниц, автор не ссылается на работы Влады Барановой и Ирины Каспэ, хотя они посвящены памяти потомков и восприятию блокады не-ленинградцами (Баранова 2006; Каспэ 2018:335–404). Такое пренебрежение историографией памяти о блокаде вызывает раздражение, ведь авторы упомянутых работ как раз и представляют ту сложную картину рассматриваемых феноменов, которую Вахтер часто упускает из виду.

Третье замечание относится к структуре глав в этой работе. Каждая глава строится по проблемному принципу, и автор грамотно обосновывает свой выбор. Однако объясняя, почему в 2010 году блокадники высказывались так, а не иначе, автор каждый раз берет широкий хронологический ряд от блокады до современности, и попытка реконструировать генеалогию памяти (травмы, ностальгии, патриотизма) превращается в манию истоков. Как рассуждения врачей о «голодном психозе» в 1940-е годы связаны с тем, что психологи 2000-х думают о травме? Правда ли блокадники в 2000-е годы поголовно воспроизводили идеологемы своей молодости 1960-х, неужели у них за сорок лет не появилось ни одного нового фрейма – такого, например, как христианский? Каждый из параграфов значим по отдельности, однако, складываясь в главу, они создают иллюзию объяснения того, что случится в финале – нарратив неоспариваемой преемственности, лишенный разрывов и сложных причинно-следственных связей. При этом когда Вахтер ищет подтверждение гипотезам не в прошлом, а в современности своих героев, ее объяснения звучат куда убедительнее аргументов, построенных на диахроническом сравнении периодов блокады, позднесоветской эпохи и новой России.

Несмотря на ряд серьезных замечаний, книга Александры Вахтер «Последние герои Ленинграда» оставляет впечатление крайне актуального и интеллектуально насыщенного исследования памяти о блокаде Ленинграда в постсоветское время. Эта монография является обязательным чтением для специалистов в области коллективной и культурной памяти о Великой Отечественной войне вне зависимости от того, занимаются они блокадной тематикой или нет. Перевод этой блестящей книги на русский язык разовьет дискуссию о военной памяти в русскоязычной

историографии и будет интересен широкому читателю, которого волнует тема памяти и травмы жителей блокадного Ленинграда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранова, Влада. 2006. «Память о блокаде в семейных рассказах». С. 262–274 в *Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования*, под ред. Марины Лоскутовой. М.: Новое издательство.
- Воронина, Татьяна. 2018. *Помнить по-нашему: соцреалистический историзм и блокада Ленинграда*. М.: Новое литературное обозрение.
- Воронина, Татьяна и Илья Утехин. 2006. «Реконструкция смысла в анализе интервью: тематические доминанты и скрытая повестка». С. 230–261 в *Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования*, под ред. Марины Лоскутовой. М.: Новое издательство.
- Календарова, Виктория. 2006. «Расскажите мне о своей жизни»: сбор коллекции биографических интервью со свидетелями блокады и проблема вербального выражения травматического опыта». С. 201–229 в *Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования*, под ред. Марины Лоскутовой. М.: Новое издательство.
- Калинин, Илья, Екатерина Мельникова и Софья Чуйкина. 2019. «Ленинград (1941–2019): нарыв блокады». *Неприкосновенный запас* 127(5):4–7.
- Каспэ, Ирина. 2018. *В союзе с утопией: смысловые рубежи позднесоветской культуры*. М.: Новое литературное обозрение.
- Лоскутова, Марина, ред. 2006. *Память о блокаде: свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: материалы и исследования*. М.: Новое издательство, 2006.
- Павловская, Анастасия. 2022. «Новейшая историография блокады Ленинграда (2011–2021): блокадный эго-документ как источник и медиум». *Историческая экспертиза* 30(1):50–61. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2022-1-50-61>.
- Павловский, Алексей. 2022. «Культурная травма и современная историография: “вторая волна” исследований памяти о блокаде Ленинграда (2016–2021)». *Историческая экспертиза* 30(1):26–49. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2022-1-26-49>.
- Alexander, Jeffrey. 2004. “Toward a Theory of Cultural Trauma.” Pp. 1–30 in *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press.
- Barskova, Polina. 2017. *Besieged Leningrad: Aesthetic Responses to Urban Disaster*. DeKalb: Northern Illinois University Press.
- Hass, Jeffrey K. 2021. *Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944*. New York: Oxford University Press.
- Kansteiner, Wulf, and Harald Weilnboeck. 2010. “Against the Concept of Cultural Trauma (or How I Learned to Love the Suffering of Others without the Help of Psychotherapy).” Pp. 229–241 in *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*, edited by Astrid Erll and Ansgar Nünning. Berlin: De Gruyter.
- Kirschenbaum, Lisa A. 2006. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments*. New York: Cambridge University Press.
- Merridale, Catherine. 2001. *Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia*. London: Granta Books.